

ГОРОД И ДЕРЕВНЯ В МИНИАТЮРАХ СОКРАТА ЯНОВИЧА: РАЗВИТИЕ МОДЕЛИ ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ

© 2020 г. М.А. Ламм

Младший научный сотрудник Института славяноведения РАН

lamm.maria@yandex.ru

Статья посвящена трем вариантам текста писателя Сократа Яновича. Выявлены различия между польским и двумя белорусскими редакциями текста, предпринимается попытка их анализа с точки зрения художественной репрезентации положения белорусского меньшинства в Польше. Исследованы пути ассимиляции местного населения.

The article is devoted to three versions of the text of the Belarusian and Polish writer Sokrat Janovicz. Differences between one Polish and two Belarusian versions of the text are revealed, an attempt is made to analyse them from the point of view of the artistic representation of the situation of the Belarusian minority in Poland. The ways of assimilation of the local population are investigated.

Ключевые слова: белорусская литература, польская литература, тутэйшество, белорусы в Польше, художественный перевод, билитературная принадлежность, полилитературность, мультикультурализм.

Keywords: Belarusian literature, Polish literature, Tuteishiya, Belarusians in Poland, literary translation, biliterary affiliation, multiculturalism, multiculturalism.

DOI: 10.31857/S0869544X0011097-9

Территория польско-белорусского пограничья – особая контактная зона, где на протяжении веков происходит процесс взаимовлияния нескольких литературных традиций. Одни и те же тексты, существуя в корпусах разных литератур, воспринимаются читателем в контексте той или иной эстетической реальности. Для данного региона подобное имагологическое различие, в принципе, традиционно. Польский исследователь Б. Хадачек рассматривает пространство восточного пограничья как особую зону культурного контакта, отмечает поливариативность литературного языка в регионе: «кресовяки оставались в сфере влияния двух и более культур, говорили на нескольких языках (билингвизм, мультилингвизм), которые выбирались в зависимости от аудитории, читателя или цели высказывания» [1. С. 86]. Выбор языка влечет за собой также некоторые особенности поэтики. Так, белорусский исследователь Л. Киселева, рассуждая о творчестве В. Дудина-Марцинкевича (1808–1884), отмечает, что «в его творчестве на польском языке очень сильно лирическое начало,

в стихотворных повестях и рассказах можно видеть значительное количество лирических отступлений [...], а в белорусскоязычных произведениях этого как раз немного. Зато в последних довольно много юмора» [2. С. 96]. Эта ситуация описана исследователями преимущественно в контексте литературы XIX в., однако она существует и сегодня. В частности ее можно увидеть в творчестве Сократа Яновича.

Сократ Янович (1936–2013) – писатель, писавший на польском и белорусском языках. В рамках данной статьи рассматриваются концептуальные различия конкретного литературного текста «Деревенщина – богиня стыда», существующего в трех вариантах на польском и белорусском языках: «Вёха, багіня ганьбы» [3. С. 52], «Wiocha – bogini zawstydzienia» [4. S. 11–13], «Вёскішча, багіня ганьбы» [5. С. 14–15].

<p>Дружкі-сваячкі ў дарагіх сукнях, упрыгожанныя пераконанасцю ў тым, што яны не сялянкі, бо працуюць у Беластоку, папрыязджалі на вяселле не з суседніх вёсак. Дружбанты-сваякі ў чорных касцюмах жрэнна адчуваюць сябе ў хамуце манераў, украдзеных гораду, але папацеюць ажа да пятай ці нават сёмай чаркі. Яны таксама не сяляне. Адны старыя людзі суюцца сялянамі і на іх тварах скачуць грымасы вінаватасці. Яны разумеюць, што ўсенька непрыгожае можа выкінуць толькі ад іх альбо з-за іх. Хтосьці з маладых азваўся голасна да старога чалавека па-свойму, па-беларуску, голасна, і стары чалавек пацарванеў ад такой ганьбы, і хутка хуценька адказаў ён маладому па-польску. (1969)</p>	<p>Druchny-krewniaczki w drogich sukniach, wypiękniałe przez to poczucie, że nie są ze wsi, bo pracują w Białymstoku, a nie zjechały tutaj z sąsiedztwa. Druźbowie-swojacy w czarnych garniturach, czują się źle w chomości manier, skradzionych miastu, ale nie pocą się aż do piątego, czy nawet siódmego kielicha. Oni też nie są wsiowi. Jedyne starzy ludzie czują się wieśniakami i na ich twarzach błąka się jakieś poczucie winy. Zdają sobie sprawę, że wszystko, co nieładne, niezdarne, może się zrodzić tylko z nich albo z ich powodu. Któryś z młodych odezwał się głośno do starego «z prosta», a stary człowiek poczerwieniał od takiego wstydu i szybko, skwapliwie odpowiedział młodemu «po miejsku». (1973)</p>	<p>Дружкі-сваячкі ў дарагіх сукнях, упрыгожаныя пераконанасцю ў тым, што яны – не сялянкі, ганарацца сваімі пасадамі на заводах. Дружбанты-сваякі ў чорных касцюмах для большае святачнасці, відаць, дрэнна адчуваюць сябе ў хамуце манераў, падгледжаных у патомных мяшчанаў, але яны не папеюць да пятае ці бо й сёмае чаркі. Гэтыя таксама не сяляне. Адны старыя пачуваюцца імі, і таму па іх тварах скачуць грымасы вінаватасці. О, яны добра разумеюць, што ўсенька непрыгожае можна выкінуць толькі ад іх. Нехта з маладзеччыны, на выгляд дзіўна скромны, нечакана загаварыў да старога па-свойму, па-беларуску ўголос, і той бядак пачырванеў ад гэткае ганьбы ды хутка-хуценька адказаў ён хлопцу па-гарадзкому, па-панску, «інцілігентна»!.. (1993)</p>
---	--	--

В таблице приведен небольшой отрывок миниатюры «Деревенщина – богиня стыда» на польском и белорусском языках. Впервые миниатюра была опубликована в первой книге автора «Загоны» на белорусском языке в 1969 г. Этот текст размещен в середине сборника, первым в тематическом ряду трех текстов, посвященных теме свадьбы. Авторизованный перевод открывает первую книгу С. Яновича на польском языке «Большой город Белосток», вышедшую в свет в 1973 г. Позднее миниатюра издавалась на белорусском языке в книге «Долгая смерть Крынок» в 1993 г., в тематическом ряду сохранения идентичности. Три варианта этого текста исключительно интересны с точки зрения межнациональных взаимоотношений в регионе и исторического фона эпохи.

Название рассматриваемой миниатюры – «Деревенщина – богиня стыда», в нем происходит инверсия традиционного понимания оппозиции города и деревни. Традиционно в рамках этой оппозиции деревня рассматривается

в идиллических категориях, в то время как город связан с образом порока. Подчеркнуто сниженное «деревенщина» и высокое «богиня» вводят коннотации земного и небесного, истинного и ложного, праведности и греховности. На уровне содержания травестивное понимание этих категорий подчеркивается описанием старых людей, которые в дискурсе традиционной культуры являются носителями истины и хранителями векового уклада, но в художественном пространстве данного текста стыдятся своей роли.

Два белорусских варианта текста различаются на уровне названия: Вёха / Вёскішча. В обоих случаях название просторечно-пренебрежительное, однако в более позднем тексте это значение суффиксально усиливается, что может быть связано с изменением содержания и усугублением процессов денационализации. Изменения в содержании, на первый взгляд, незначительны, но исключительно важны. В хронологически более раннем тексте девушки «работают в Белостоке, приехали на свадьбу не с соседних деревень», в тексте 1993 г. героини уже «гордятся своими должностями на заводах», в обоих случаях Янович подчеркивает, что они «не селянки». Оппозиция город/деревня присутствует в каждом варианте текста, однако контексты различны: локальная оппозиция белорусов в Польше в хронологически более раннем варианте сменяется общенациональной в варианте 1993 г. Более конкретным становится классовое противопоставление: молодые люди, которые уже «тоже не селяне», в первом издании неловко чувствуют себя в «хомуте манер», «украденных в городе», в более позднем варианте — «подсмотренных у потомственных мещан». Хотя по сути это один и тот же текст, но каждый из его вариантов обращен к представителям разных поколений и, следовательно, самоценен.

Селяне — только старшее поколение. Они чувствуют себя виноватыми, понимая, что что-то «некрасивое» может исходить «только от них или из-за них» — в тексте 1969 г. и «только от них» — в тексте 1993 г., причем в хронологически более позднем тексте эта мысль усиливается введением междометия. Таким образом, в первом тексте традиция еще жива — старики актуализируют деревенские модели бытия, носителями которых в той или иной степени еще являются представители всех поколений, в то время как в более позднем варианте деревенская традиция показана как отжившая. Данная проблематика характерна для творчества С. Яновича и может быть интерпретирована в двух направлениях. С одной стороны, по мнению Я. Чиквина, это «проблема блудных сыновей, которые оставляют свой дом и отечество, идут умножать славу и благополучие других народов, отчетливо связывает Сократа Яновича с той белорусской традицией, которую основал В. Дунин-Марцинкевич» [6. С. 234]. Эта интерпретация ближе к первой редакции рассматриваемой миниатюры. С другой стороны, эта классическая тема усугубляется актуальной проблемой разрушения традиционного уклада. Как пишет П. Васюченко, «денационализация населения в глазах писателя приобретает черты дегуманизации вообще. Белорусы, которые, по определению автора, не выдержали “революции быта”, стали “паркетными”, как бы искусственными» [7. С. 104], что более характерно уже для позднейшего варианта текста. В обоих случаях возникает типичный для творчества писателя контекст разрыва поколений [2. С. 33], однако его содержание существенно различается.

Это различие разрыва поколений наглядно иллюстрируется конкретным примером «некрасивого», которое может исходить от «селян». Описанная ситуация связана с традиционной для культуры данного региона оппозицией белорусского и польского языков. В тексте 1969 г. «кто-то из молодых обратился

громко к старому человеку по-своему, по-белорусски», в варианте 1993 г.: «некто из молодежи, на вид очень скромный, нечаянно заговорил со старым по-своему, по-белорусски». В первом случае использование белорусского языка естественно, во втором — случайность. Различается также и описание ответа старика: в варианте 1969 г. он «ответил молодому по-польски», в более поздней редакции старик отвечает «по-городскому, по-пански, “интеллигентно”!..». Нейтральный для постороннего наблюдателя национальный маркер в тексте 1993 г. сменяется его восприятием, при этом Янович предлагает развернутый ассоциативный ряд, раскрывающий отношение деревенских белорусов к польскому языку. То же противопоставление языков возникает и в авторизованном переводе этой миниатюры на польский язык. Здесь оригинальный вариант «по-своему, по-белорусски» заменен на «простой», а наименование «по-польски» на «по-городскому». Для регионального контекста эти наименования синонимичны, однако для постороннего читателя межэтническая проблематика заменяется традиционным противопоставлением города и деревни.

Оппозиция города и деревни — одна из универсалий христианской культуры, представленная во всех европейских литературах [8]. В данном случае она дополняется конкретным региональным контекстом, где город и деревня являются маркерами национального: в белорусской традиции город семантически связан с польской культурой, в то время как деревня — маркер белорусскости. Имагологическое противопоставление возникает уже на уровне названий сборников, задавая восприятие художественного целого. Миниатюры Яновича посвящены описанию быта белорусского меньшинства в Польше, в центре внимания писателя — подчеркнуто типичные местные жители, «тутейшие». Заглавия белорусских изданий семантически связаны с деревенским контекстом: «Загоны», максимально деперсонализированное, сниженное название, и «Долгая смерть Крынок», т.е. родной деревни писателя. Упоминание родной деревни отсылает к особенно значимой для белорусской литературы теме отчего дома — «родного угла». В книгу «Большой город Белосток» вошли переводы миниатюр из первого сборника писателя, выбранное название вводит в дискурс польской (по определению городской) культуры, задавая имагологическое противопоставление. Детерминированные названием, те же тексты читаются иначе.

В позднейшей редакции белорусского текста имагологические расхождения усиливаются. В польском тексте, как и в первом варианте белорусского, представлена традиционная для белорусской литературы оппозиция город/деревня и связанная с ней экзистенциальная проблематика белорусского меньшинства в Польше в ее классическом для белорусской литературы выражении. В позднейшей редакции белорусского текста в центре внимания автора не столько межнациональная оппозиция, сколько идеологическая. Исчезает название конкретного города, на его месте возникает завод как маркер индустриализации. Синонимический ряд «по-городскому, по-пански, интеллигентно» дополняет оппозицию город/деревня, указывая и на польские (по-пански), и на советские (интеллигентно) мифологии денационализации белорусов. Уже известный локальному читателю текст теперь ориентирован на решение задач другого времени — преодоление аксиологического кризиса, связанного с распадом СССР. Локальный контекст становится теперь общенациональным.

Поскольку Янович является одновременно и польским, и белорусским писателем, а его тексты вошли в корпус двух литератур, эти расхождения существенны. Каждый из текстов существует в рамках завершеного

художественного целого, особой эстетической реальности — книги. Считать один из них копией, а другой — оригиналом в данной ситуации некорректно. Белорусский и польский тексты существенно различаются, они ориентированы на разного читателя. При этом различия в позднейшей редакции белорусского текста, хотя и обусловлены историческими событиями, продолжают логику различий в переводе первого издания на польский язык. Как польский, так и белорусский тексты являются самостоятельными художественными системами — они равноправны как два факта культуры, хотя опора на различную топику приводит к расхождению дискурса. Польский текст — лиричен, белорусский более полемичен, в польском тексте на первый план выходит локальная проблематика, в белорусском — национальная. Один и тот же текст встраивается в две литературные традиции, в каждом конкретном случае опираясь на конкретный эстетический код. Характерная для польской традиции литература малой Родины не тождественна белорусской категории «родного кута», хотя структурно они близки.

Подобное переосмысление традиций литератур соседних народов, по мнению Л. Д. Синьковой, является типичным для белорусской литературы в целом. Исследователь отмечает, что «принципиальный алгоритм развития белорусской литературы подразумевает отказ от идей пусть собственных, но эстетически устаревших; отказ от тех своих традиций, которые прерывались-переиначивались во время, когда наши земли и население находились в юридически и идеологически небелорусских государствах — в пользу более новых, современных новым авторам инокультурных идей, которые всякий раз отечественными создателями осваиваются — и развиваются уже как национальные» [9. С. 11]. Подобный процесс можно видеть и в миниатюрах Яновича.

Д. Завадская также полагает это явление вполне типичным, отмечая, что «есть стратегия мимикрии, то есть имитация польских исторических нарративов (традиции гавенды с начала XIX века в литературе и историографии), мимикрия использовалась как из-за сходства исторической ситуации написания истории без покровительства государства и его институтов, так и из-за своего рода перспективности исторического момента, и в полемических целях (видение Яновича не имеет ничего общего с романтической идеализацией Пограничья и их героев, за исключением территории сообщества)» [10. S. 109]. Помимо бытового кода, который полемичен сам по себе, белорусский вариант усиливается самим фактом использования национального названия языка, который в обоих текстах именно белорусский, хотя центральной темой творчества Яновича является «тутейштво», т.е. «форма самой ранней самоидентификации, она носит указательный характер, связана с восприятием ограниченного визуального пространства, знанием всех, кто на нем проживает, в лицо и не только. Это знание истории жизни каждого из ее членов, характера и форм взаимодействия между ними. Это специфическое бытописание, в которое как в реально существующее включаются события, происходящие между давно умершими родственниками, свояками, соседями» [11. С. 241]. Таким образом, закономерно отсутствующее в польском тексте указание на национальную принадлежность приобретает полемические коннотации.

Действие миниатюр С. Яновича разворачивается на территории польско-белорусского пограничья, романтизация которого, в принципе типична для польской литературы, а после Второй мировой войны эта территория за счет символического переосмысления становится своеобразной «носителем исторической памяти» (см. [12. С. 33]). Формально миниатюры Яновича

наиболее близки к русским стихотворениям в прозе, что подчеркивал и сам писатель [13. С. 136], это сходство отмечал также А. Макмиллин [14. С. 33]. Необходимо отметить, что в польской литературе жанр стихотворений в прозе развития не получил. Подобный факт существования иного в монастирской Польше исключительно демонстративен. Заявленная как в названиях книг, так и в содержании конкретных миниатюр, оппозиция города и деревни оказывается гораздо шире, что подчеркивается инверсией традиционного восприятия противопоставления города и деревни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Nadacek B.* Historia literatury kresowej. Krakow, 2011.
2. *Кісялёва Л.* Маргіналіі: беларуская гумарыстычная літаратура XIX – пачатку XX ст. у святле сучасных літаратуразнаўчых канцэпцый. Мінск, 2007.
3. *Яновіч С.* Загоны. Беласток, 1969.
4. *Janowicz S.* Wielkie miasto Białystok. Warszawa, 1973.
5. *Яновіч С.* Доўгая смерць Крынак. Беласток; Бельск, 1993.
6. *Чыквін Я.* Далёкія і блізкія. Беласток, 1997.
7. *Васючэнка П.* Абрывы мастацкага свету Сакрата Яновіча (Хранатоп, іронія, сімвал) // Тэрмапілы. 2003. № 7.
8. *Jedlicki J.* Proces przeciwko miastu// Teksty Drugie: teoria literatury, krytyka, interpretacja. 1991. № 5 (11).
9. *Сінькова Л. Д.* Паміж тэкстам і дыскурсам: беларуская літаратура XX–XXI стст.: гісторыя, кампаратывістыка і крытыка (літ.-крыт. артыкулы, гутаркі). Мінск, 2013.
10. *Zawadzka D.* Wynajdywanie tradycji. O prozie historycznej Sokrata Janowicza// Sokrat Janowicz. Pisarz transgraniczny. Studia. Wspomnienia. Materiały. Białystok, 2014.
11. *Розенфельд У. Шелбанина Г.* Структура и уровни национальной самоидентификации// Шлях да узаемнасці. Матэрыялы X Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Гродна – Мір, 24–25 кастрычска 2002 г.). В. 2-х ч. Гродно, 2004. Ч. 2.
12. *Адельгейм И. Е.* Психология поэтики: аутопсихотерапевтические функции художественного текста (на материале польской прозы 1990–2010-х гг.). М., 2018.
13. *Sura W.* Sokrat Janowicz – pisarz polsko-białoruskiego pogranicza// Acta Polono-Ruthenica. 1996. № 1.
14. *Макмиллин А.* Стихотворения в прозе Сократа Яновича 60-х годов: текст и контекст// 3 крыніц. Зборнік артыкулаў (матэрыялы з канферэнцыі прысвечанай творчасці Сакрата Яновіча, Беласток, 8 чэрвеня 1996 года). Беласток, 1996.